

Право матери

Ульбо тяжело вздохнул и горько улыбнулся, когда понял, что последует за словами мальчика. Это должно было случиться, учитывая, сколько она ждала.

Ульбо знал, как сильно она страдала. Ей хотелось отправить за ним все корабли в бой, чем просто смириться с решением высшего совета.

Звезды знали, что они старались изо всех сил, но это было ни за что. Ничто из того, что они придумали, не могло остановить их бесконечное наступление.

Сто тысяч планов и полтора миллиарда симуляций более высокого порядка сошлись в одном результате: [НЕИЗБЕЖНАЯ ОПАСНОСТЬ/ТОТАЛЬНЫЙ КОЛЛАПС НЕИЗБЕЖЕН/КОД: СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ].

Созданные ими миры-сибы могли с легкостью моделировать целые вселенные и их предсказанные фьючерсы. Они даже могут экстраполировать расхождения во времени, которыми обладает конкретная вселенная. Но даже они не смогли придумать осуществимое решение своей проблемы. Дюжина мира-сибилей работали вместе, пока не замолчали.

Звездные оракулы снова заговорили только после того, как мальчик предложил свой план. Это было нечто большее, чем самоубийство и возмущение, но мирские сибирь заключили, что он астрономически лучше, чем любой другой план, который был им представлен. Он был готов, и это было лучше, чем бороться с ним до самого горького конца.

Другого выбора не было. Чума вернулась домой - они были на пороге своего дома - так что они сделали то, что им нужно было сделать.

Они отправили его вниз.

Ульбо открыл глаза и посмотрел на суматоху со сложным выражением лица. Он не знал, как он скажет ему, когда придет время. Часть его думала, что такая неудача, как он, не заслуживает тепла своей любви. Он подвел его, его сестру и мать с его некомпетентностью. Если бы он заметил это чуть раньше, то мог бы...

Рид озирался как испуганное животное. Он даже не осмеливался дышать. Это произошло так быстро, что он даже не понял. Только моргнул и все, а потом увидел пустующее место напротив себя.

Другие тоже заметили, что женщины нет, но никто не предал этому значения. Они проигнорировали и Рида.

Рид чуть не закричал, когда женщина появилась рядом с ним и стала его обнимать. Мягкие

волны ее Анимы успокаивали и убаюкивали его собственную. В ее объятиях он превратился в обычного ребенка.

- Мама,пусти его. Слишком рано. Разве ты не видишь, как ему неудобно? Пожалуйста, перестань смущать семью и держи себя в руках, - сказал Луэм, явно недовольная.

- Ерунда. Ему прекрасно здесь, со мной, где ему, естественно, и место. Нет ничего постыдного в том, что мать держит на руках своего малыша, - справедливо заявила она.

Женщина крепко обняла его и сказала:

- Это право матери - лелеять своего малыша, когда ей вздумается". Непокорная, сопливая девочка, такая как ты, не имеет права говорить мне, что я могу, а что нет.

- О боже, вот опять... Они даже не могли остановиться только на сегодня, из всех дней...

- Так на кого ты собираешься поставить свои деньги?

- Я положу пять атериевых бриллиантов на дочь...

- О, похоже, у нас тут высокий ролик, кузен...

- Хорошо, я подберу тебе один раз, так как сегодня особенный день...

Молодые люди, сидящие за столом, тихонько шептались на незнакомом Риду языке. Они говорили на языке, о котором он никогда раньше не слышал. Тем не менее, Рид более или менее понимал, что они не говорили ничего хорошего о ситуации.

Старшие вообще игнорировали разговор и случайно общались между собой во время еды. Выглядело так, будто они не могли даже позаботиться о паре мать-дочь.

- О, пожалуйста, мама. Вижу, сегодня мы используем добродетельный, материнский святой акт, а?

- Ты всегда должна быть права, хм? Я хочу, чтобы ты знала, что меня не волнует, что ты думаешь обо мне, если мы собираемся снять все с сердца. Но никогда не забывай, что независимо от того, как сильно ты захочешь этого, он никогда не будет твоим..."

Волна Анима взлетела и комната замерла под ужасной женской аурой. Луэм, но не уступила матери. Несмотря на это она не обратила внимания на ее слова, главное, что за столом никого

не смущало происходящее, кроме Рида.

Если бы взгляд мог убить, Луэм была бы убита несколько раз, подумал Рид. У Луэм на лице было подозрительное, ненавистное выражение; она выглядела готовой к действию, если потребуется, о чем свидетельствовали порочные колебания в окружающей Аниме.

Они холодно смотрели друг на друга с такой интенсивностью, что это было почти осязаемо. Рид поклялся, что видел образ старшей львицы, стоящей лицом к лицу со своей младшей дочерью. Ему показалось, что он слышал их злобные рычания, как будто они пытались оценить намерения другой.

Слова женщины, казалось, попали в самую точку; Луэм отреагировала с огромной враждебностью и вызвал вокруг себя множество оружия, все указывало на женщину, когда они зловеще бились. Рид отстранился от страха, когда увидел, что спор внезапно разгорелся до предела.

Он не хотел ничего, кроме как быть как можно дальше от их смертельной вражды, но его тело не слушало его, несмотря на его протесты.

Вдруг, твердый голос прокатился, как гром, поразив всех в комнате. Его голос носил неоспоримую ауру власти, которая приказала Аниме в подчинение. Оружие Луэм исчезли в мотивы света почти мгновенно, когда он, наконец, вмешался в их борьбу.

- Прекратите обе немедленно. Можете ли вы на день прекратить свою войну? Это будет день празднования, а не борьбы, - сказал Ульбо.

Он выглядел равнодушным, но его глаза говорили о другом. Более темные, более глубокие эмоции можно было увидеть внутри - глядя в них чувствовался, как будто глядя в бездонную пропасть.

- Мы уже проходили через это. Если вы не видите причин, то, по крайней мере, подумайте о его чувствах. Он не является вашей собственностью, чтобы бороться за, ясно?"

Ни одна из сторон не ответила, но это не имело значения. Его слова были абсолютны и служили последним словом на эту тему. Ульбо щелкнул пальцами, и Рид мгновенно вернулся на свое место.

Ульбо телепортировался к Риду и сказал:

- Не волнуйся об этом, маленькое солнце, они просто.... темпераментные. И упрямые.

Дальше завтрак шел уже гладко. Молодежь за столом атаковала Рида вопросами о происхождении, оружии. Дети внимательно слушали его истории.

Завтрак прошел так же гладко, как и следовало ожидать; молодые люди

Рид заметил их невинные взгляды и удивился, почему они так в него вложились. Потому что он был иностранцем? Он задавался вопросом, выглядел ли он странно или говорил что-то не так. Это заставило его чувствовать себя немного смущенным, но он терпел это, так как они ничего не значили.

После того насыщенного событиями утра Рид не хотел ничего, кроме того, чтобы его на какое-то время оставили в покое. Было много вещей, которые ему нужно было обработать самому - например, утренний сон - подальше от семьи Луэм и Итотии. Это не было похоже на то, что ему не нравилась их семья, но он нашел это утро было слишком энергичным, чтобы продолжать в том же духе.

Ему нравилась эта энергичная атмосфера, когда он не становился началом ссор. Они были шумными, яркими, а это все лучше безмолвных и отстраненных. Это ведь говорило лишь о том, что у них были искренние чувства.

Рид отбросил неприятные воспоминания об утре и бросил плоский камень в воду. Он несколько раз проскакал по поверхности воды, а затем погрузился в воду. Рид никогда не знал, что такое счастливая семья, так зачем знакомиться с этим сейчас?

Он сидел под большим деревом и молча смотрел на огромное озеро. Он сказал Итотии, что хочет прогуляться по окрестностям, чтобы уединиться. Рид всегда стремился к уединению с самого детства. Как нормальный мальчик без славы, богатства, власти или так называемой судьбы. Рид улыбнулся, уставившись на свое искаженное отражение на поверхности озера. Ему было противно смотреть на себя с улыбкой, поэтому он отвернулся и уставился на ветви дерева сверху.

Правда, теперь все было иначе. Он был звездой в этом странном мире.

- ...я знал, что ты будешь здесь, глупый мальчик.

Он быстро отвернулся, когда услышал голос и сказал: "

- Кто это?! Почему вы пришли... - он сделал паузу, когда, наконец, узнал, кому принадлежит мягкий голос, и заметил:

- Я... не ожидал встретить вас так скоро, миледи". Прошу прощения за мою...

Женщина села и просто похлопала его по спине, когда она смотрела на озеро рядом с ним. У нее было безмятежное выражение лица, как будто она уже все знала. Как будто это было для нее само собой разумеющимся делом, она сказала:

- Что тебя так беспокоит? Скажи мне, что тебя беспокоит, сын мой.

- С чего бы мне беспокоиться? Я в полном порядке, миледи, клянусь. Ничего страшного, правда... - ответил Рид.

Он заставил себя вернуться в темноту и медленно восстановил душевное равновесие.

- Ты не можешь лгать мне, мой мальчик. Ты пришел сюда только тогда, когда моя глупая дочь заставила тебя плакать или когда ты хотел побыть один.

Она проходила через это столько раз, что не могла вспомнить их всех. Для нее это был инстинкт подержанного человека.

Рид замолчал, когда услышал это. В его очерченных воспоминаниях было много историй, но она так и не появилась ни в одном из них, по крайней мере, до сих пор. Он обдумал все, что знал, и догадался, что она была кем-то из другого периода - она была не в самых ранних воспоминаниях, которыми он был обременен.

- Но я не помню тебя. Ни тебя, ни их, ни это место. Несмотря на то, что все, кажется, уже знают, кто я... - с горечью сказал он. Иногда ему было больно, когда он смотрел на их будущие взоры, полные ласки и тепла.

- Терпение, мой мальчик. Не надо торопиться, ни одна душа в этом городе не будет винить тебя за твое невежество. Они, на самом деле, уже навсегда в твоём долгу. Они не имеют права судить тебя. Если ты когда-нибудь услышишь, что кто-то говорит о тебе плохо, все, что тебе нужно сделать, это сказать мне, мой мальчик. Я их за это казню.

Её слова звучали в тоне власти, которая не допускала никаких возражений.

- ...не слишком ли это излишне? Я не считаю, что оскорбление кого-либо должно быть основанием для смерти. Не то, чтобы я имел право голоса в делах вашего города, миледи...- Рид поспешно протестовал против женщины, опасаясь, что он мог бы приговорить кого-нибудь к смерти сегодня.

- Членам низших каст запрещено когда-либо судить кого-то благородное происхождение. Так говорит закон, который появился гораздо раньше тебя, детка моя. еще до того. Наказание за такое преступление будет заключаться в тюремном заключении в месте проклятых, чтобы поразмыслить над грехами.

Ее слова звучали сладко и успокаивающе для чувств, но содержание было все, кроме этого. Она звучала как хладнокровная надзирательница или эмиссар из ада в маскировке.

- Но было бы совсем по-другому, если бы кто-нибудь плохо отзывался о тебе, сын мой.

Наказание за то, что оскорбил члена священной семьи - это окончательная смерть. Уничтожение души, тем самым освобождая богохульника от вечного круговорота.

Несмотря на характер их дискуссии, у нее был миролюбивый, почти святой вид. Она втайне до мозга костей нервировала Рида. Женщина звучала как тиранический душеприказчик, который раздавит все, что осмелится встать на ее пути.

- Звучит так, как будто у вас в этом городе большой авторитет, миледи... Могу я иметь честь узнать ваше уважаемое имя? Это скромное имя... Рид

Лицо женщины расцвело, когда она услышала его вопрос и сказала...

- Я сестра Благородной Принцессы Солнца, Матери Луны, Судьи Весов, Командующего Старой гвардией и бывшей Высокой Святой Морей, Акуэкутичуати.

- Акуэку... Миледи, есть ли какая-нибудь другая форма, по которой я могу обратиться к вам? - спросил Рид, багровея от стыда.

Когда женщина услышала мольбу Рида и его смущенное лицо, она засмеялась так сильно, что запрокинула голову назад.

Казалось, что мир наслаждался ее радостью, когда она смеялась. Цветы расцвели, а облачное небо наверху исчезло. Кто мог возненавидеть ее, кто когда-то был ближе всех к звездам на небосводе? Конечно, не мир, это было наверняка...

Прекрасная леди потерла глаза, а затем подержала Рида близко, как любимого.

- Ты можешь называть меня мамой. Я больше ничего другого не приму, мое маленькое солнце. Мамин приказ.

Рид не мог не улыбнуться, когда услышал ее ответ. Прямая и властная, но не в плохом смысле. В этом смысле она действительно напоминала некоего человека. Было очень забавно видеть это сходство, хотя бы на секунду.